

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214
EDN: NRLAXF

ЗАБЫТОЕ ИМЯ: ЛОСТАНБИ ГУРУЖЕВИЧ АФАШАГОВ

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В статье представлен творческий и биографический портрет одного из забытых представителей кабардинской литературы раннесоветского периода – поэта и публициста Л.Г. Афашагова. С опорой на архивные источники реконструируется история его общественной деятельности. По материалам художественных и периодических изданий прослеживаются основные направления его творчества, выявляются ценностные акценты его произведений, главным образом стихотворений, среди которых есть как оригинальные, так и дошедшие до нас только в переводе. Дополняется подробностями отрезков его биографии, приходящийся на военные годы. На материале необнародованных до настоящего времени архивных сведений уточняются причины его ареста. Наряду с этим обзорно представлена биография одного из деятелей образования КБАССР, супруги Л.Г. Афашагова – Ф.Н. Афашаговой (Кейсерман). Введены в научный оборот новые сведения о жизни и творчестве Л.Г. Афашагова.

Ключевые слова: Лостанби Афашагов, раннесоветская поэзия, система ценностей, биография, воспоминания.

Для цитирования: Кажарова И.А. Забытое имя: Лостанби Гуружевич Афашагов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 195-214. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214. EDN: NRLAXF.

© Кажарова И.А., 2024

Original article

FORGOTTEN NAME: LOSTANBI GURUZHEVICH AFASHAGOV

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia,
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article presents a creative and biographical portrait of one of the forgotten representatives of Kabardian literature of the early Soviet period – poet and publicist L.G. Afashagov. Based on archival sources, the history of his public activities has been reconstructed. The main directions of his work are tracked using art materials and journals, and the value accents of his works, mostly poems, which exist both original and in translation, are disclosed. The segment of the biography that covers the war years has been expanded. The reasons for his arrest have been clarified using archived information that has not before been made public. An outline of the biography of

one of the KBASSR's educational figures, L.G. Afashagov's wife, F.N. Afashagova (Keyserman). New information on L.G. Afashagov's life and work has been published in scientific journals.

Keywords: Lostanbi Afashagov, early Soviet poetry, value system, biography, memories.

For citation: Kazharova I.A. Forgotten name: Lostanbi Guruzhevich Afashagov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 195-214. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214. EDN: NRLAXF.

© Kazharova I.A., 2024

Всякое произведение рождается с прицелом на взаимодействие с некоей системой ценностей, будь то соответствие ей или противостояние. На раннем этапе развития советской литературы, а именно с 1928–1929 гг., когда началась «метаморфоза отечественной культуры в культуру государственно-тоталитарного толка» (А.И. Мазеев), вариации взаимодействия оказались упразднены, ведь отклонение от провозглашаемой сверху системы ценностей могло закончиться для художника трагически. Все, что с этого времени представляло официальную ветвь литературы, пусть и с разной степенью художественного мастерства, но должно было попадать в общий смысловой лад. Однако старательное вхождение художника в общий лад не всегда говорит о том, что его личность этому ладу созвучна. И здесь открывается богатое поле для размышлений о подтексте, иной раз зашифрованном в официозном орнаменте, о малоизвестных фактах и личностях.

Представители раннесоветской культуры национальных областей вызывают особый интерес, поскольку им выпало развиваться на непривычной почве, ускоренно воспринимая политическую, языковую, этическую и эстетическую новь. В этом смысле каждый был первопроходцем. В северокавказской среде творческая интеллигенция была немногочисленной, и уже это не позволяет пройти мимо кого-либо, кто может казаться второстепенным, малоизвестным или одиозным. Последнее, имея фоном жесткую идеологическую нормативность того времени, только усиливает интерес к подобным личностям. На сегодняшний день набралось немало свидетельств того, что одним из них в определенный момент оказался кабардинский поэт и публицист Лостанби Гуружевич Афашагов (1909 – дата смерти не известна).

Для нас важно, осмысливая доступную информацию, взглянуть на Л.Г. Афашагова с позиции его времени, оценить в контексте этого времени аксиологическую структуру его произведений. Иными словами, попытаться прочесть в его творчестве то, что думала о себе его современность, и то, что мы думаем о том времени с позиции нашего настоящего.

Сразу скажем, что ценностное измерение творческого и биографического портрета Л.Г. Афашагова с точки зрения нынешнего момента окрашено тем, что мы имеем дело с возвращенным именем, ведь долгое время оно не фигурировало ни в одном из академических трудов – ни в очерках, ни в историях кабардинской литературы. Зародившееся лишь в советский период, и по инерции оберегающее многие его устои, повествование о развитии кабардинской лите-

ратуры в основном сосредоточено на феноменах непротиворечивых. Все это побуждает пристальнее отнестись к истории Л.Г. Афашагова.

Не может не удивлять отсутствие имени Афашагова в научных обзорах кабардинской литературы, освещающих 1930–1940-е гг. Во-первых, потому что, как сказано, национальная творческая интеллигенция была не столь многочисленна, во-вторых, «Л.Г. Афашагов не должен был затеряться, пропасть из виду еще и потому, что его имя запечатлено в первом сборнике кабардинских советских поэтов. Ведь выход в 1933 г., накануне первого Съезда советских писателей, сборника «Первый шаг» сам по себе был событием заметным, и, казалось бы, обойти стороной состав лиц, участвовавших в нем, невозможно» [Кажарова 2018: 142].

Отдельные сведения о деятельности Л. Афашагова восстанавливаются по материалам архивных фондов КБР и печатным изданиям 1930–40-х гг. Если систематизировать разрозненные материалы, то первым окажется упомянутый сборник 1933 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1а]. В том же году и в связи с тем же сборником его имя прозвучало в статье Джансоха Налоева «От мертвого к живому», критик назвал его в ряду «молодых, подающих надежду авторов»: Пшеноков, Карданов, Канукаев и Афашагов – поэты «довольно даровитые, но не достигшие еще той степени мастерства, на которой довольно прочно стоят Шекихачев и Шогенцуков» [Налоев 2004: 121]. В 1934 г. в Москве выходит антология «Поэзия горцев Кавказа», и в кабардинской подборке значится произведение Л. Афашагова [Поэзия... 1934: 247]. В 1940 г. он вместе с Н.Х. Хабировым работает над составлением трехтомной хрестоматии по литературе для 6 класса [УЦГА АС КБР. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 281. Л. 282, 283]. В том же 1940, при подготовке к печати эпического произведения Мухажана Канукоева «Андемиркан» (в итоге так и не изданного), не раз фигурирует имя Афашагова: в январе месяце он участвует в обсуждении романа [Социалистическая Кабардино-Балкария 1940], в октябре ему поручают редактирование «Андемиркана», к той поре переработанного Канукоевым в повесть [УЦГА АС КБР. Ф. Р-276. Оп. 1, 2. Д. 342. Л. 312], и уже в первых числах ноября Афашагов оповещает читателей «Социалистической Кабардино-Балкарии» о готовности «Андемиркана» к печати. «Он сообщает, среди прочего, о скором выходе в свет повести М. Канукоева, анонсирует публикацию нескольких ее фрагментов на страницах газеты и призывает читателей присылать в редакцию свои пожелания и замечания» [Кажарова 2018: 144]. О публицистической ипостаси писателя дают представление его статьи в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за 1940–41 гг. Бесценную возможность взглянуть на «неофициальный портрет» Лостанби Афашагова и понять причины, по которым его имя исчезло из плеяды кабардинских писателей раннесоветской поры, подарил изданный в 2012 г. автобиографический роман пасынка поэта – Михаила Семеновича Серебро (1931–2020), актера, режиссера и драматурга.

В настоящее время об Афашагове сказано немного: в 2018 г., опираясь на доступные материалы, мы постарались дать представление о писателе в статье «Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л.Г. Афашагова» [Кажарова 2018: 142] (материал лег в основу статьи для

биобиблиографического словаря «Адыгские писатели XIX–XXI вв.» [Кажарова 2021а: 100-105]. В 2019 г. вышел сборник А.Х. Хакуашева «Этюды об адыгской истории и литературе», куда вошла интересная статья о Л. Афашагове – «Одно стихотворение неизвестного нам автора» [Хакуашев 2019: 124-131]. Из новейшего – размещенные на интернет-платформе «Живой журнал» размышления А.С. Дзагалова о стихотворении «Баксан» и судьбе его автора. Добавим к перечисленному архивную справку о Л.Г. Афашагове из УФСБ России по КБР, полученную нами в 2018 г., уже после того, как была опубликована статья о нем. Составляя сейчас этот обзор, мы нисколько не сомневаемся, что в скором времени он пополнится новыми источниками.

Начиная с наиболее ранних свидетельств присутствия Л.Г. Афашагова в культурной жизни края, можно говорить о его востребованности, способности откликаться на бурные изменения, происходящие в масштабах страны и малой родины. Не удивительно: годы установления новой власти приходятся на его отрочество, и, вероятно, ломка прежнего уклада не стала для него потрясением, каким она была для представителей более старшего поколения. Скорее даже, нарастающая новь была привычной реальностью, оформлявшей его мировосприятие.

Документальные сведения о Лостанби Афашагове берут начало с 31 января 1938 г. «Тогда шла речь о восстановлении его в рядах партии. Он был ее кандидатом [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 53]. Уже в феврале Л. Афашагов принимает заведование отделом народного образования в родном ему Баксанском районе, и осенью того же года становится членом ВКП(б). В 1939 г. его назначают лектором отдела партпропаганды и агитации обкома ВКП(б). Лектором, однако, он проработал недолго, всего два месяца, так как вскоре был освобожден от этой должности в связи с выездом на учебу [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 16]. Произошло это в августе 1939 года» [Кажарова 2018: 146]. Но вся эта активность будет в конце 1930-х, а до того он заявил о себе как поэт.

В 1933 г. его произведения публикуются в первом сборнике кабардинских советских поэтов, а в 1934 г. – в Москве, однако можно предположить, что печататься он стал гораздо раньше.

Судя по содержанию стихотворения «Партизанская», подшитом в материалах, которые в свое время собрала Е. Машитлова для научного издания «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Первые писатели Кабарды», 1968), он пробует свое перо в 1920-х, будучи еще совсем юным. Выявить источник, из которого Е. Машитлова извлекла это произведение, нам пока не удалось, но если отталкиваться от того, с какой стремительностью менялась раннесоветская действительность, а поэзия обязана была откликаться на нее «здесь и сейчас», то будет резонно отнести «Партизанскую» Л. Афашагова к пореволюционным годам:

Карахалк, горишь ты бедный,
Как дубняк горит в костре,
Не горюй, придут обратно
Братья к нам – большевикам.

Коль врага мы одолеем
Будет доля всех светлей
Храбрецы, смелей боритесь,
Ведь под бурей мы живем [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 87. Л. 7].

Произведение представлено на русском, и судя по характерным семантическим и синтаксическим неровностям, перед нами не перевод, а оригинал:

Не сегодня – завтра, скоро
Город Нальчик будет взят:
То не плечи золотеют
То алеет звездный лоб.

Скоро мы врагов нагоним
И покажем прыть коней,
С боем опрокинем белых,
Завоюем власть себе!

Карахалк! Держись, мужества!
Партизаны идут в лесу.
Их клинки отбиты остро
Быстры в скачке кони их [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 87. Л. 7].

Не будем касаться отсутствия рифмы и упорядоченного ритма – одолеть эти вещи на начальных этапах освоения адыгской поэзией силлабо-тонической системы стихосложения было дано не каждому. Главное, что бросается в глаза – наивные и, прямо скажем, неуклюжие образы, выдающие автора, не вполне владеющего русским языком, зато стоящего «на верных идеологических позициях».

В упомянутой выше статье А.Х. Хакуашева исследователь замечает, что в различных печатных изданиях тех лет почему-то не встречаются стихотворения Л. Афашагова на родном языке. Между тем, как можно убедиться, два таких попали в «Первый шаг» (1933) – это «Майский день» и «Буквы нового языка».

Оба стихотворения отвечают времени тематикой, образностью и настроением. На первый взгляд заметны лишь характерные для адыгской поэзии тех лет (в чем убеждают и другие стихотворения «Первого шага») топоры: многообещающее настоящее как решительный противовес мрачному прошлому, восхваление творцов настоящего и будущего, политическая агитация и все это – от лица коллективного субъекта сознания. Но, безусловно, есть моменты, которые задерживают внимание. Прежде мы этого касались [Кажарова 2021b: 138–150], и сейчас лишь вернемся к сказанному.

Казалось бы, название «Майский день» должно предопределить развертывание популярного сюжета эпохи – празднование Первомая, тем более что в этом ключе представлено не одно произведение сборника («Мая первый день!» Т. Шакова, «1 мая» А. Шогенцукова, «1 мая» Х. Карданова). Подобные вещи обычно пишутся как отклик на уже прошедшее или ожидаемое событие. Однако майский день Афашагова большей частью ассоциирован с избавлением от жестокой зимней стужи. Поэт наблюдает неспешное, но неуклонное возвраще-

ние радости жизни. Л. Афашагов воспринимает май так, словно тот приходится не на конец весны, а граничит непосредственно с зимними месяцами:

Уей! Май мазэ, мазэ лъапIэ,
 ЛъапIэныгъэр къызыхэкI.
 КIэ имыIэу дигугъати,
 ЩIымахуэжыыр кIуэдыжаш.

КъакIуэ, къакIуэ мазэ лъапIэ,
 Дэ пIэ хуабэм дигъэфаш,
 Фэншэ бзаджэу щIымахуэжыыр
 Дэ цIыху цIыкIум дужэгъуаш. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].
 (Здесь и далее орфография оригинальных текстов сохранена. – И.К.)

Эй! Май месяц, месяц ценный,
 Ценностей источник (ты),
 Мы ведь думали, она бесконечна,
 (А все ж) сгинула проклятая зима.

Иди к нам, иди, любимый месяц,
 Обленились мы (уже) в теплых койках.
 Бледна и свирепа негожая зима
 Нам, всем людям, надоела (она).
 (Пер. подстр. – И.К.)

В центре сюжета вовсе не праздник труда, а животворящее чудо весны:

ЩIымахуэжыым игъэщтауэ
 Къуалэ бзухэр къэкIуэжаш,
 Жэщ кIэщI тIэкIум емызэгъуэ
 Пщэдыджыжыым пэушаш.

ПцIашхъуэ цIыкIухэу
 Уэрэд усхэм я гуфIэгъуэу ежъэжаш,
 Щабэ щхъуантIэм май удзыщIэм
 Ди Iэщ цIыкIухэр игъэнщIаш.

Ар, уэсыжыыр шытекIыжым
 Жыгуэ шыIэр къэтIэпIаш,
 Ди бжэ цIыкIухэм хъугъуэфIыгъуэр
 Къызэпахуэ къэгъэгъаш.

Щынэ цIыкIухэу щIэжъей цIыкIухэр
 Май хъун Iувым егъэльей,
 Ар лъэ-пкIэхэу пщэджыжыпэм
 Дыгъэ нурхэм пофэрэз.
 [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].

Изгнанные негожей зимой
 Перелетные птицы вернулись,
 С ночью короткой не ладя,
 Утро встречая, проснулись.

Ласточки,
Щебеча, оживленно взметнулись,
Мягкой зеленью майской
Живность насытилась наша.

Вслед за сошедшим снегом
Почки деревьев раскрылись,
Пчелки сокровища
Делят среди их цветенья.

Мальши-ягнята
Подскакивают на лугу,
Их прыжки ранним утром
В солнца лучах мелькают.
(Пер. подстр. – И.К.)

Почти пасторальный пейзаж. Лишь в самом конце Афашагов словно спохватывается и решает восполнить упущенное. И снабжает финал необходимыми штампами: прошлое, ассоциированное с беспросветным мраком, призывы к классовой борьбе и полуфольклорные образы недюжинной мощи, которой надлежит в этой борьбе пробудиться:

Пащтыхьыжьым и зэманым
Жэщ мазэгъуэр кыфI тцыхъуащ,
Абы властыр иыгъыхукIи
ЩIэныгъэншэу дыщIэтащ.

ЩIтыIэ штаблэу фыщымыту
Благъуэ хабзэу фыпэув,
Вий я гуащIэу ди къарухэр
ЩIэныгъэншэм пэдвигъэгъув.

В проклятое царское время
Лунная ночь казалась нам темной,
Пока держалась эта власть
Мы были безграмотны.

Не робея
Восстаньте, дракону подобно,
Будто мощь восьмерых волов сила (каждого из) нас
Пусть против безграмотности встанет.

Второе произведение – «БзэщIэ хьэрфхэр» («Буквы нового языка») привлекает уже тем, что в тематике кабардинской поэзии того периода сложно встретить нечто подобное. Видимо, оно должно было художественно обосновать «восприятие нового алфавита как символа нового бытия и отказа от предшествующих традиций. Закономерно, что и этнос, обретший новый алфавит, уже не тот, что прежде, отсюда и характерное обращение – новые адыги» [Кажарова 2018: 144]. Правда, не очень понятно, почему сам язык определен как новый – *бзэщIэ*:

Уей, адыгэ-адыгэщIэ!
ЩIыпIэ Iэджэм и хьэрф лыхьу,
Къэфлыхьуауэ дэ хьэрфыщIэр
АдыгэщIэм дывохьуэхьу.

АдыгэщIэ ди хьэрфыщIэр
ЩIыпIэ Iэджэм дыщыIуащ,
Iэщэ-фащэу къэрал куэдым
Я бзэ къуэпсыр дэ дгъэуващ.
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].

Эй, адыги, адыги новые!
Искатели своих букв в разных частях света,
Вас, отыскавших новые буквы,
Вас, новых адыгов, чествуем мы.

Новые адыги, мы, обладающие новым алфавитом
Зазвучали во многих краях,
В качестве боевого снаряжения много стран (объединившее)
Языковое ответвление мы избрали.
(Пер. подстр. – И.К.)

«Чтобы прояснить подтекст «боевого снаряжения», которым стало для адыгов «языковое ответвление, объединившее много стран», необходимо помнить, что в период написания стихотворения адыгская письменность базировалась на латинской графической основе. Такое положение сохранялось с 1924 по 1936 гг. Причины, по которым была избрана именно латинская графика, подчеркивает в своем исследовании В.Г. Шнайдер:

«Чрезвычайно важным представляется мотив, руководствуясь которым было принято решение использовать именно латинскую основу, а не какую-либо другую. В качестве показательного примера приведем решение, утвержденное на заседании адыгейско-кабардинской комиссии по принятию нового алфавита для адыгских народов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы). Участники заседания пришли к выводу, что, принимая во внимание колониальное прошлое, жесткую политику самодержавия, приведшую к национальной трагедии адыгов, будет правильным перейти на использование латинских букв для национального алфавита. Как отмечалось в решении комиссии “использование русских букв нежелательно по мотивам политического порядка”» [Шнайдер 2015: 88].

Совершенно в духе времени негативный образ самодержавной политики оказывается в одной связке со всеми предшествующими образами письма, в том числе арабским, графическая основа которого ассоциировалась с религиозностью. Здесь же проступают аллюзии к персидскому и турецкому языкам, которыми владели образованные адыги» [Кажарова 2018: 145]:

Хамэ хэкум
Я бзэ куэдым
Ди бзэгупэр яукьуэншащ
Пащтыхьыжьуэ залым зехьэм дэубыдауэ диIыгъащ.

Ди бзэ псалъэм делэжьыну
Дэубыдауэ дыщытащ,
Благъуэ хабзэу зыкъытхуищІурэ
Дэ хамэбзэм дырипхащ.
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 48].

Чужих стран
Языки многие
Покривили нам кончик языка
Царь негодный, зло творящий, в притеснении нас держал.

Служить слову родного языка
Нас права лишал,
Драконьи повадки свои демонстрируя
Он к чужому языку нас привязал.
(Пер. подстр. – *И.К.*)

Л. Афашагов отразил период, в котором кабардинская письменность перестает быть делом энтузиастов-одиночек, к ее разработке стягивается вся интеллигенция, независимо от социальных и иных различий. С позиции сегодняшнего дня ценно, что, восторженно поэтизируя их, он не забывает о подвижниках из числа черкесских иммигрантов (Н. Цагов, Х. Тлецерук, С. Нагуч, И. Хидзетль, Х. Бесленей). Политические преследования в их отношении начнутся спустя недолгое время, а пока, пусть через собирательный образ, Афашагов успевает воспеть их участие в благородном и прогрессивном деле – разработке письменности и организации печатного дела на своей исторической родине:

Адыгэбзэм елэжьбахэр
Хы фІыщІэжьым къельэжащ,
Дунеижьым къыщигъазэм
Кавказ щІыгум къыхэжащ.

Ди бзэ лъапІэр къырагъэкІыуэ
ГэзэтыщІэр традзащ,
ЛэжьэкІуэфІыуэ насыпыфІэр
НафІэгуфІэу къеджэжащ.
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 48].

Разрабатывавшие адыгскую письменность
Через Черное море (к нам) перемахнули обратно,
Когда мир стал меняться,
На кавказскую землю вернулись (они).

На нашем дорогом языке зазвучавшие
Новые газеты основали,
Трудящиеся счастливые
С радостью их читали.
(Пер. подстр. – *И.К.*)

Однако, «к 1936 году графические предпочтения изменятся, будет принята за основу кириллица, но стихотворение Л.Г. Афашагова уникально тем, что выхватывает и запечатлевает настроение именно «латинского» отрезка в истории адыгской письменности. Оно освещает непростые аспекты, определявшие в 1930-х годах духовный статус национальной письменности» [Кажарова 2018: 145].

Почему-то исследователи кабардинской литературы раннесоветских лет нигде не упоминают изданную в Москве антологию переводных произведений «Поэзия горцев Кавказа» (1934). Составил ее и снабдил комментариями Дзахо Гатуев (1892–1938), осетинский писатель, революционер и общественный деятель, а предисловие написал дагестанский ученый, революционер и политик Алибек Тахо-Годи (1892–1937).

В кабардинской подборке есть стихотворение Л. Афашагова «Кабарда». Надо сказать, поэт оказался в очень представительном окружении: Абдул Пшеноков, Пшикан Шекихачев, Тута Борукаев, Али Шогенцуков, Пшимахо Кешоков. Символично, что открывают подборку самые молодые – Абдул Пшеноков и Афашагов.

В предисловии к сборнику А.А. Тахо-Годи не раз обращается к строкам из произведения Л. Афашагова, отмечая его среди молодых горских авторов, что высоко ценят звание поэта и «для своего «возраста» неплохо применяют поэтическое оружие, довольно искусно его оттачивая» [Поэзия... 1934: 12].

«Кабарда» Л. Афашагова представлена в литературной обработке поэта и переводчика А.И. Шпирта (1903 (1904?)–1983). Довольно трудно судить о том, что недоступно нам в оригинале, но несомненно, что в «первые ряды» кабардинской подборки это стихотворение привело соответствие темой и пафосом злобе дня. Несмотря на многообещающее название – «Кабарда» – сюжет стихотворения сводится лишь к реалиям коллективизации, в которой есть место как трудовым достижениям, так и вражьи́м прои́скам.

От строфы к строфе труд крестьян-бедняков становится все стройнее и стройнее, вливаются в эту гармонию и середняки:

Вместе с верными волами
Мы дошли к середине дня...
Поглядите – с бедняками
Вышел также середняк.

Всех волов объединили,
Лошадей пригнали все
И с такою новой силой
Новый начали посев.
[Поэзия... 1934: 247].

Злоба дня изливается в злобных же обещаниях сокрушить в ближайшее время вражескую силу в лице кулака:

Но... винтовку поднимая,
Стал наш верный часовой,
Наша армия родная,
Наш помощник боевой.

Жизнь иную мы построим
Под защитою его,
Мы нору кулачью взроем,
Не бояся никого!
[Поэзия... 1934: 248].

Одно из переводных стихотворений Л. Афашагова извлечено историком А.С. Дзагаловым из газеты «Молодой сталинец» за июнь 1941 г. Стихотворение называется «Баксан», перевел его поэт Николай Столяров. Достаточно взглянуть на стихотворения «Баксанстрой» (1931), «Баксанская ГЭС» (1936) Али Шогенцукова, «Песнь Кавказа» (1934) Алима Кешокова, «Баксан» Абдула Пшенокова, «Баксан» М. Бзаджева, и тема реки Баксан начинает восприниматься как общее место кабардинской поэзии тех лет.

На 1930-е гг. приходится строительство и введение в эксплуатацию Баксанской гидроэлектростанции. Художественных проекций этого события у кабардинцев, действительно, сохранилось немало: бурная река Баксан – в прошлом дикий, а ныне оседланный скакун; тысячами электрических «звезд» он озаряет новую действительность; это аксакал, который должен отбросить свой независимый нрав и стать поговорчивей; это плененный свободолюбец и т.д. Грандиозное событие не могло не поражать воображение, поэты охотно и восторженно откликались на него, но, похоже, Лостанби Афашагов воздержался.

Его восторги иного рода. Его Баксан – Баксан неприрученный, неистовый, прекрасный. Ни о каких ГЭС и пользе служения отечеству нет и намека:

Берега круты – простора
В беге злобном ищет он,
У подножья Харо-Коро
Слышен шум и дикий стон.

То он спорит с берегами
То волной о скалы бьёт,
То подхватит амбра-камень
И как щепку понесёт.

Песня старого Баксана
Между скал века живёт,
Он, подобно великану,
Рушит скалы, камни бьёт¹.

Кратковременная умиротворенность Баксана, очутившегося на равнине, возникает не как мотив его обуздания, а всего лишь как передышка, гармоничная настроению лирического героя, перенесшегося мыслями в детство, о чем говорят последние строфы стихотворения:

А когда шуметь устанет
В берега свои войдёт –

¹ Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуружевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Продолжая путь свой дальний,
Тихо песню запоёт.

Я у скал его отвесных
Годы детства проводил,
И его седые песни
Все, что слышал, сохранил¹.

Как пишет А.Х. Хакуашев, перу Л. Афашагова, возможно, принадлежит и сохранившееся в русском переводе стихотворение «Соловей». Исследователь случайно обнаружил его в личном архиве Хачима Теунова. Его тоже перевел Николай Столяров. По словам А. Хакуашева, ни этот перевод, ни, тем более, оригинал в изданиях тех лет не встречаются. Что же касается авторства, то оно пока под вопросом, поскольку фамилия «Афашагов» указана от руки в правом верхнем углу листа, на котором записан перевод, причем почерк того, кто указал фамилию, определенно не совпадает ни с почерком самого Н. Столярова, ни с почерком Х. Теунова [Хакуашев 2019: 124].

Стихотворение «Соловей» датировано 1939 г. Трудно не согласиться с предположением А. Хакуашева о том, что вероятной причиной непопадания «Соловья» в печать послужила его полная свобода от идеологических рамок. Как видится нам, в этом есть хоть и слабый, но все же аргумент в пользу того, что стихотворение принадлежит Л. Афашагову. Ведь насколько безудержным могло становиться его упоение образами природы, убеждает и «Майский день», и вышеприведенный «Баксан».

А. Хакуашев улавливает в этом стихотворении интересную аллюзию на «Соловья» А.А. Алябьева. Нас же поразила удивительная переключка (чуть ли не диалог) тополя, показанного в начале произведения, с тополем из стихотворения И.Б. Клишбиева (1896–1974) «Луэдыщэ» («Золотая Гряда», 1917). Если принять такое предположение, то и прилетающий к тополю соловей Афашагова явно «отвечает» ангелам, спускавшимся к тополю Клишбиева, а гнувшийся под вьюгой обнаженный тополь, грезящий о весне и возвращении соловья, – это упорная вера в судьбу этноса, более радостную, чем та, что воплотилась в переломленном молнией, ослепшем и утратившем волю к жизни тополе И. Клишбиева.

Сложно догадаться о художественном уровне оригинала, но хочется думать, что перевод, подобный этому, едва ли мог быть навеян неодухотворенным источником:

Соловей
Саклю нашу украшая,
Серебристый тополь рос,
Головой своей касаясь
В синем небе ясных звезд.
Листья тихо трепетали

¹ Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуружевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

На густых его ветвях, –
Словно золото, сверкали
В ярких солнечных лучах.
Каждый день весной и летом,
В тень серебряных ветвей,
Прилетал на тополь этот
С песней звонкой соловей.
И на дереве любимом
Распевал на все лады,
И никто ни разу мимо
Песни той не проходил...
Так, невидимый, известный
Пел для нас певец садов,
И будили звуки песни
В сердце светлую любовь.
И несла та песня часто
Наши юные сердца
В бестревожный мир, где счастью
И веселью нет конца!..
Но не вечно так бывает:
Совершая жизни круг,
Лепестки с цветов спадают,
Соловьи летят на юг.
И на крыльях ветра осень
Прилетает, вьюги вой
Раздается всюду, – носит
Хлопья снега над землей...
Обнаженный тополь гнется
И качает тень ветвей, –
Ждет, когда весна вернется,
Возвратится соловей!
1939 [Цит. по: Хакуашев 2019: 130–131].

Начало 1940-х гг. оставило нам свидетельства публицистической и переводческой работы Л. Афашагова. Судя по адыгоязычной подшивке «Социалистической Кабардино-Балкарии» за 1940 г., «периодически он «курирует» круглые даты, связанные с особо значимыми в идеологическом контексте времени именами русской литературы. Так появляются статьи, посвященные тридцатилетию со дня смерти Л. Толстого, десятилетию со дня смерти В. Маяковского. Важно сказать, что он всячески избегает сухого констатирующего стиля и авторской дистанцированности, казалось бы, вполне допустимых для газетного материала о личностях, заслуги которых не нуждаются в излишних представлениях.

Заметно, что статья о В. Маяковском явно переходит пределы газетного очерка, обнаруживая глубокую заинтересованность автора в передаче оттенков неординарности творческого портрета «лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи». Высвечивая отдельные факты биографии и идейного становления, он заостряет внимание на вопросах языка Маяковского, цитирует ряд его произведений в интересных переводах на кабардинский язык. Надо сказать, что и языковая манера самого Л. Г. Афашагова заметно отдалена от суконого стиля

газетных публикаций, перенасыщавшихся в тот период калькированными с русского языка терминами и речевыми оборотами» [Кажарова 2018: 144]. Те же переведенные Афашаговым стихотворения Маяковского, что помещены в этой статье, войдут и в упомянутую выше хрестоматию по родной литературе.

Об одном из публицистических материалов Афашагова пишет А.Х. Хакуашев. Это статья о Шоре Ногмове в номере 15 за январь 1941 г. Как подчеркивает исследователь, сам факт обращения к Ногмову необычен – он вопреки традициям времени, которое умалчивало имена первых адыгских просветителей, причислив их к враждебному классу. О Шоре Ногмове, продолжает Хакуашев, заговорят лишь в 1944 г. Тем не менее, Афашагов обнаруживает здесь осведомленность о ранних шагах адыгской письменной культуры [Хакуашев 2019: 127].

Таким образом, можно видеть, что в начале 1940-х гг. – времени, за которым жизнь Л. Афашагова разделится на до и после, – он творчески активен: статьи, поэзия, переводы, составление учебной литературы... Все переменится с началом войны, когда обнажится противоречивость его политических убеждений. И платой за эти убеждения окажутся его свобода, страдания близких, долгие годы забвения его имени в истории адыгской культуры.

Согласно архивной справке УФСБ по КБР его социальное положение в 1943 г. характеризовалось так: «Афашагов Лостанби Гуружевич, 1909 г.р., уроженец с. Кызбурун-1 Баксанского района КБАССР (в период, на который попадает год рождения, селение именовалось Атажукино II Нальчикского округа Терской области Российской империи, а ныне – селение Атажукино Баксанского района КБР – *И.К.*), кабардинец, гражданин СССР, член ВКП(б), образование высшее, по специальности учитель, из крестьян-батраков, заведующий сектором школ Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, ранее не судим, женат» [Личный архив И.А. Кажаровой]. Далее указан состав его семьи: жена и две дочери. Здесь надо уточнить, что обе дочери от первого брака Л. Афашагова. Также в сведениях о семье упущено одно лицо – это пасынок поэта, Михаил Афашагов (по отцу Серебро), будущий автор воспоминаний, в которых прозвучит история Лостанби.

Хоть и был Михаил очень юн, когда разворачивалась драма судьбы его отца и матери (в дни оккупации Нальчика ему одиннадцати лет), суть произошедшего запомнил верно. «Один из образованнейших людей своей республики, он был в оппозиции к обоим режимам – оккупационному фашистскому и, как бы – освободительному советскому. Те не остались в долгу и поочередно сажали его в тюрьмы»¹, – это кратко о произошедшем с Лостанби Афашаговым, «мечтателем и романтиком», каким помнил его пасынок.

Вышеупомянутая справка проливает свет лишь на то, что происходило в 1943–1944 гг.: «Афашагов Лостанби Гуружевич 12 июля 1943 года арестован НКВД КБАССР по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 58-1б, 58-11 УК РСФСР.

¹ Баумгартен Л. Михаил Серебро: «следовать своей дорогой»: актер режиссер, драматург, писатель рассказывает о своей судьбе [Электронный ресурс] / Л. Баумгартен. — 2017. — 23 октября. — URL: <http://www.rewizor.ru/literature/interviews/mihail-serebro-sledovat-svoey-dorogoy/> (дата обращения: 11.12.2017).

Постановлением Особого Сопещения при НКВД СССР от 15 июля 1944 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1б, 58-11 УК РСФСР Афашагов Лостанби Гуруевич приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Срок исполнения наказания с 14 июля 1943 года» [Личный архив И.А. Кажаровой]. О более ранних событиях узнаем из воспоминаний М. Серебро, приведем некоторые выдержки:

«Но лейтенант запаса Лостанби Афашагов уклонился от службы в Красной армии, потому что, как оказалось, принадлежал к сторонникам отделения Кабарды от России. Он попросту стал дезертиром. Гулял он недолго. Его поймали и посадили в тюрьму. <...>

...Когда фашисты вплотную подошли к Нальчику, все партийные и государственные учреждения эвакуировались в Грузию. Немцы без сопротивления вошли в столицу Кабардино-Балкарской АССР. Первое, что они сделали – освободили всех политических заключённых, в том числе и моего дезертира-отчима. А он, от греха подальше, увёз нас с мамой в своё родовое селение Кызбурун. <...>

...Через три дня он ушёл. До нас доносились слухи: «Лостанби служит немцам», «Лостанби назначен министром образования Кабарды»... Последняя новость ошеломила: «Лостанби арестован». Теперь это сделали немцы. Ранее расположенные к молодому, образованному горцу, и возлагавшие на него большие надежды в пропагандистском плане, посадили его в тюрьму за стихотворение, опубликованное в руководимой им газете «Родина». Стихотворение называлось «Свободу народу моему», в нем он призывал кабардинцев восставать против любого оккупанта. А потом он со своими сторонниками вышел на площадь и читал свои патриотические стихи, пока его не арестовали» [Серебро 2012: 36–38].

Исходя из вышеизложенного сложно подойти к герою повествования с однозначной оценкой, но хотя бы становится ясно, что им руководила не трусость, а собственные убеждения, и только их он ставил во главу угла: уклонившись от гражданского долга перед своей страной, он, тем не менее, не соглашается принять и сторону врага.

А. Дзагалов, рассуждая о фактах, изложенных М. Серебро, ставит под сомнение правдивость его воспоминаний, и причин, по его словам, несколько. Во-первых, сложно поверить в то, что человек партийный, достигший хорошего положения в обществе, мог что-то иметь против коммунистов и советской власти, которой он был многим обязан. Далее вызывает сомнение его арест. Прочитавшим:

«Дезертиров в то время, как правило, отправляли в Орджоникидзе, подальше от линии фронта, где их судил Военный трибунал. Множество такого рода документов хранится на сайте ОБД Мемориал. Документального подтверждения его ареста здесь не обнаружено. Кроме того, автор не пишет, где он «советами» был арестован и содержался. На сайте имеются лишь сведения о том, что Афашагов Л.Г. после освобождения Кабардино-Балкарии от фашистов, вместе с группой бойцов и командиров Красной армии направлен 21 февраля 1943 года из Нальчика в 212-й Армейский запасной стрелковый полк в г. Георгиевск. Речь о судебном преследовании также не идёт»¹.

¹ Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуруевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Между тем, как уже ясно из архивной справки УФСБ, арест Афашагова советскими органами все-таки был, обвинили его в измене Родине и организационной контрреволюционной деятельности. Скорее всего, и арест немцами имел место быть. Во всяком случае, можно найти косвенное подтверждение тому, что во время оккупации Афашагов находился на территории республики. Согласно протоколу заседания Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б) за февраль 1944 г., его супруга, советский служащий, будет исключена из КПСС за недостойное поведение на занятой врагом территории. Выходит, была и причина, по которой она на этой территории оставалась, отказавшись от эвакуации в Грузию. Что касается сведений о службе Л. Афашагова в 212-м Армейском запасном стрелковом полку, то по времени она как раз «укладывается» между уходом немцев из Нальчика (январь 1943), благодаря чему Л. Афашагов оказался на свободе, и его арестом советскими органами (июль 1943).

На самом деле, неточности есть в других деталях воспоминаний М. Серебро, и это неудивительно, ведь автор описывает события давно минувших дней. К слову, он рассказывает о драматических событиях его семьи в период оккупации так, будто это имело место в 1943 г., хотя известно, что уже в первых числах этого года оккупация была снята; представляя читателю Али Шогенцукова, он говорит, что поэт одним из первых был награжден орденом Ленина, хотя мы знаем, что на самом деле он – один из первых заслуженных деятелей искусств КБАССР. Но еще раз повторим, подобные неточности объяснимы.

А. Дзагалова настораживает также эпизод, в котором мама Михаила говорит, что Али Шогенцуков обещал добиться скорого освобождения Афашагова, обещал помочь. Понятно, что здесь всего лишь путаница в воспоминаниях. Несомненно, что мать Михаила возлагала на Али Шогенцукова большие надежды: его нахождение в тот момент на фронте не отменяло того, что он был самый авторитетный, самый влиятельный из друзей ее супруга. И несомненно, что в ее разговорах с сыном это имя, как надежда на спасение, звучало постоянно. А то, что оставшиеся в оккупации партийцы собирались в квартире Шогенцукова, чтобы обсудить положение на фронте – по сути лишь предположение мальчика одиннадцати лет.

Возвращаясь к документам, скажем также, что во многом проливает свет на место и положение, в котором находился Л.Г. Афашагов в 1943 г., справка за подписью замминистра госбезопасности КАССР Хапова на Шогенцукова Али Асхадовича. Документ опубликован М.А. и В.Н. Котляровыми в книге «Ты создал мир. И он велик» [Котлярова, Котляров 2003: 80-82].

Отступая на мгновение от истории Афашагова, обратим сначала внимание на то, насколько тенденциозно в этой справке выстроены сведения об Али Шогенцукове. Факты интерпретированы именно так, «как нужно», чтобы наверняка уничтожить характеризуемого. На это работают и сведения о том, что его брат «служил по мобилизации в белой армии», и религиозное образование Шогенцукова, в истории которого выискиваются нежелательные идеологические акценты, в частности, что школа в Махачкале, куда Шогенцукова направили как преуспевающего ученика, готовила «кадры для туркизации народностей

Кавказа». Так, последовательно наслаиваются краски, создающие образ крайне ненадежного гражданина.

Что касается героя нашего повествования, он появляется там, где речь идет об «антисоветских настроениях» Али Шогенцукова:

«Будучи в 1932 г. инспектором Баксанского района, Шогенцуков высказывал антиколхозные настроения.

Шогенцуков имел связи с участником ликвидированной в 1937 г. контрреволюционной буржуазно-националистической организации – Налоевым Д.

Арест врагов народа в 1937–38 гг. он рассматривал как уничтожение передовых слоев общества – молодежи.

Выражая взгляды буржуазной интеллигенции, Шогенцуков в близком кругу высказывал в 1938 г. антисоветские настроения, он заявлял: «Я уверен в том, что стал бы поэтом с мировым именем, если бы у нас существовала действительная свобода, если бы можно было писать то, что хочется сердцу.

...Думают ли руководители Советской власти методом запугивания и беспощадного подавления всякой живой мысли сделать что-либо полезное для России».

В 1943 г. органами МГБ вскрыта и ликвидирована существовавшая с 1938 г. в г. Нальчике буржуазно-националистическая группировка Бацежева А.Б., Афашагова Л.Г. и др., ставившая своей задачей организованный переход на сторону немцев и образование самостоятельного Кабардино-Балкарского государства под протекторатом Германии.

Из показаний арестованных Бацежева и других видно, что одним из активнейших организаторов и руководителей этой группы являлся Али Шогенцуков. Арестованный по делу руководитель этой группы Лостанби Гуружевич Афашагов на допросе 21 июля 1943 г. показал, что он установил связь с Шогенцуковым в 1938 г., так как точка зрения у них в области националистических взглядов совпадала.

Шогенцуков открыто говорил: «сейчас, после Октябрьской революции, несмотря на законы и Конституцию, еще продолжают притеснения нашего народа...».

Далее Афашагов показал, что вместе с ним Шогенцуков являлся вдохновителем этой группы. В сентябре 1939 г. я ушел на учебу в институт. Перед уходом Шогенцуков дал мне установку создать националистическую группу из числа новых кадров литературных работников, находящихся в институте, среди которых вести работу в духе буржуазного национализма...» (Из показаний арестованного Л.Г. Афашагова от 21 июля 1943 г.)» [Котлярова, Котляров 2003: 81–82].

Установить достоверно, о чем именно говорилось, и говорилось ли вообще, нам уже не удастся, но полагать, что перегибы коллективизации, уничтожение передовых представителей интеллигенции, отсутствие свободы слова и прочие «издержки» нового строя могли вызывать сплошной восторг лучших умов того времени, было бы наивно. Были ли взгляды Лостанби Афашагова на самом деле националистическими, мы тоже вряд ли узнаем: ярлыки навешивались за любое, даже справедливое высказывание против существующего строя, и обвинения в групповщине были традиционны – упомянутая в связи с Д. Налоевым «контрреволюционная буржуазно-националистическая организация» – тому яркое доказательство.

Несколько слов надо сказать о жене Лостанби, Фаине Наумовне Афашаговой (Кейсерман). Как мы уже упомянули, это был второй брак Афашагова. Вот как пишет об этом М. Серебро: «...Лостанби, учился на рабфаке, где преподавала моя мама. Там они и познакомились. Он влюбился в мою мать, а она по-

любила его. Он разошёлся со своей женой-кабардинкой, которую оставил с двумя детьми в горном ауле, и они с мамой поженились» [Серебро: 2012: 34].

Среди документов Кабардинского педагогического рабфака сохранился личный листок Фаины Афашаговой. Уроженка г. Николаева, еврейка по национальности, из семьи рабочих, партийная (причем, согласно протоколам заседаний Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б), ряды КПСС она пополнила в 1938, уже будучи работником образования КБАССР). Получила высшее педагогическое образование – выпускница Академии Коммунистического Востока (г. Ленинград). В 1931–1932 гг. работала учительницей в родном городе. На Кавказ ее направили в 1936 г. Год она проработала инспектором крайОНО в г. Пятигорске, в 1937–1939 гг. – учителем языка и литературы в 8–10-х классах с. Баксан КБАССР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 236. Л. 3].

Дальнейшие события восстанавливаются по протоколам заседаний Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б). В 1941 г. она становится директором школы № 8 г. Нальчика, в апреле 1942 г. ее утверждают заведующим Нальчикским горОНО, в сентябре 1943 г. освобождают от этой работы, а в 1944 г. исключают из партии.

«Похожая на кабардинских женщин как две капли воды» Фаина Афашагова, убежденный коммунист, в роковые дни принимает решение быть рядом с мужем: «Перед мамой встала дилемма – либо выполнить указания партии, либо быть верной слову, которое она дала Лостанби, – вместе и в горе, и в радости. Она выбирает последнее. <...> её любили, чттили, и не нашлось никого, кто бы выдал, донёс в гестапо, что по улицам, совершенно открыто, ходит известный советской служащий» [Серебро 2012: 41]. В 1944 г., лишившись всех должностей и исключенная из партии, она возвращается вместе с сыном в Николаев. О дальнейшей судьбе отчима М. Серебро пишет так: «Что касается Лостанби Гуружевича Афашагова, поэта и патриота своей родины, то из тюрьмы он так и не вышел. Его расстреляли. Мы не узнали, кто это сделал: отступающие немцы или наступающие наши» [Серебро 2012: 59]. Могла ли Фаина Афашагова не знать о суде над мужем, о заключении? Сомнительно. Возможно, что расстрел – это лишь догадка самого М. Серебро, либо «версия», которой настойчиво придерживалась Фаина, чтобы избежать лишних расспросов после возвращения в Николаев.

«Мы вернулись в Николаев. Она долго добивалась реабилитации. Его и своей. Надорвалась в борьбе за справедливость и умерла в городе, где родилась»¹. Вряд ли Фаина Афашагова стала бы добиваться справедливости, не имея для этого весомых аргументов. И судя по всему, таковые на самом деле были: согласно справке УФСБ, «18 октября 1991 года на основании заключения Прокурора КБАССР в соответствии с п. «а» ст. 3 и п. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Афашагов Лостанби Гуружевич реабилитирован. Справка о реабилитации от 07 мая 2004

¹ Баумгартен Л. Михаил Серебро: «следовать своей дорогой»: актер режиссер, драматург, писатель рассказывает о своей судьбе [Электронный ресурс] / Л. Баумгартен. — 2017. — 23 октября. — URL: <http://www.rewizor.ru/literature/interviews/mihail-serebro-sledovat-svoey-dorogoy/> (дата обращения: 11.12.2017).

года № 13-1093-2004» [Личный архив И.А. Кажаровой]. Подписано начальником подразделения Р.С. Варзиевым.

Нет сомнений в том, что со временем картина жизни и творчества Лостанби Афашагова обнаружит новые штрихи, станет еще отчетливой. Мы, как и прежде, считаем, что «восстановление фактов биографии Л.Г. Афашагова проливает свет на причины отсутствия его имени в истории адыгской культуры, однако не умаляет роли его активного участия в деле культурного строительства первых десятилетий советского строя» [Кажарова 2018: 147]. Не говоря уже о тех уровнях, на которые нас выводит восстановление литературных феноменов и размышление о зачастую драматических судьбах, с ними связанных, немаловажно открывающееся за всем этим понимание, что всякий разговор о ценностном измерении культуры становится ущербным, если упускать из виду актуальную в любую эпоху способность человека к пересмотру ценностных парадигм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Кажарова 2018 – Кажарова И.А. Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л. Г. Афашагова // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150>

Кажарова 2021а – Кажарова И.А. Афашагов Лостанби Гуружевич // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х т. Т. I: А–И. – Нальчик: «Принт Центр», 2021. – 380 с.

Кажарова 2021б – Кажарова И.А. Литература как «форма работы на идеологическом фронте» и ценностные основания интерпретации идеологизированного творчества // Кавказология. – 2021. – №4. – С. 260–280. DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280

Котлярова, Котляров 2003 – Котлярова М.А., Котляров В.Н. Ты создал мир. И он велик. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 216 с.

Личный архив И.А. Кажаровой.

Налоев 2014 – Налоев Д.М. Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 225 с.

Поэзия...1934 – Поэзия горцев Кавказа. – М.: Гослитиздат, 1934. – 276 с.

Серебро 2012 – Серебро М.С. Осколки: роман в 7-ми фрагментах. – Nechingen: Stella-Verlag, 2012. – 268 с.

Социалистическая Кабардино-Балкария 1940 – Социалистическая Кабардино-Балкария: газета. – 1940. – № 259 (5032). – С. 2.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хакуашев 2019 – Хакуашев А.Х. Этюды об адыгской литературе и истории. исследования, аналитические статьи, воспоминания. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 280 с. (на каб.-черк. яз.).

Шнайдер 2015 – Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 417 с.

REFERENCES

Arkhir Instituta gumanitarnykh issledovaniy KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ. and Kabardian).

KAZHAROVA I.A. Afashagov Lostanbi Guruzhevich // Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. V 3-kh t. T. I: A–I. Biobibliograficheskii slovar' [Afashagov Lostanbi Guruzhevich. IN: Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Cir-

cassian abroad) writers of the XIX–XXI centuries. A bio-bibliographic dictionary. In 3 Vol., Vol. I.: A–I.]. Nalchik: Print Tsentr, 2021. – 380 p. (In Russ. end Kabardian).

KAZHAROVA I.A. *Literatura kak «forma raboty na ideologicheskom fronte» i tsennostnye osnovaniya interpretatsii ideologizirovannogo tvorchestva* [Literature as a "form of work on the ideological front" and value bases for the interpretation of ideologized creativity]. IN: *Kavkazologiya*. – 2021. – No 4. – P. 260–280. DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280 (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Obretenie pis'mennosti kak syuzhet dukhovnoi kul'tury adygov i lichnost' L. G. Afashagova* [The acquisition of writing as a subject of the spiritual culture of the Circassians and the personality of L. G. Afashagov]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2018. – No. 7. – P. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150> (In Russ.).

KHAKUASHEV A.KH. *Etyudy ob adygskei literature i istorii. issledovaniya, analiticheskie stat'i, vospominaniya* [Sketches about the Adyghe literature and history. research, analytical articles, memoirs]. – Nalchik: Elbrus, 2019. – 280 p. (In Russ. end Kabardian).

KOTLYAROVA M.A., KOTLYAROV V.N. *Ty sozdal mir. I on velik* [You created the world. And he's great]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2003. – 216 p. (In Russ.)

Lichnyi arkhiv I.A. Kazharovoi [Personal archive of I.A. Kazharova]. (In Russ.).

NALOEV D.M. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. – Nal'chik: El'-Fa. 2005. – 225 p. (In Russ. and Kabardian).

SEREBRO M.S. *Oskolki: roman v 7-mi fragmentakh* [Shards: A Novel in 7 Fragments.]. Hechingen: Stella-Verlag. (In Russ.).

SHNAIDER V.G. *Sovetskoe natsiostroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950kh gg.): zakonmernosti i protivorechiya* [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions]. – Armavir: RITs AGPU, 2007. – 416 p. (In Russ.).

Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya: gazeta. 1940. No 259 (5032). – P. 2. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for documentation of modern history of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central state archive of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russ, In Kabardian).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 20.12.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.